

Э.А. Паин

ВЫЗОВЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии определяет это явление как источник «обменов, новаторства и творчества», которое «так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» (Всеобщая..., 2011). Культурное разнообразие «проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество» (Там же).

Итак, культурное разнообразие определяется мировым сообществом как благо. Вместе с тем оно порождает и проблемы сосуществования разных культур в едином мире и в каждой стране. В России такие проблемы особенно сложны. В нашей стране к коренным относятся около 200 народов, представляющих несколько десятков языковых групп и все мировые религии. Это разнообразие, складывавшееся веками, ныне возрастает вследствие притока огромной массы иммигрантов. Россия занимает второе место в мире по объёму иммиграции. Накопились давние проблемы межкультурного взаимодействия, и появилось множество новых. Все они требуют безотлагательного решения, однако эффективных интеллектуальных ответов на эти вызовы нет.

Существуют разные мнения о содержании самого феномена «культурное разнообразие». Не ясны причины глобального обострения межкультурного взаимодействия, по существу, взрыва этнических и религиозных конфликтов на рубеже XX и XXI вв. С одной стороны, наблюдается рост взаимосвязи стран и народов мира, определённая стандартизация их культур, а с другой – нарастание культурной дифференциации и дезинтеграции, связанных с феноменом так называемого «этнического и религиозного возрождения» (см., например: Комаров, 1994; Тишков, 1997). Под ним понимается подъём интереса к традиционным групповым, аскриптивным формам идентичности (эт-

нической, религиозной, расовой), а также традиционным социальным практикам.

Рост групповых форм идентичности проявился с конца 1960-х годов и резко усилился в 1980–1990-х годах в большинстве стран мира и сопровождался увеличением конфликтов между группами. В начале XXI в. такие конфликты стали охватывать не только бывшие колониальные страны и общества с незавершённой национальной консолидацией, но и государства-нации Европы, а также США.

Чаще всего отмеченный парадокс глобализации объясняют естественным сопротивлением западных культурных традиций процессам стандартизации и унификации человеческой деятельности. Но так ли уж естественен этот процесс?

Мультикультурализм и традиционализм

С. Хантингтон ввёл в научный оборот концепцию «обратной волны» (reverse wave) демократизации, обосновав почти неизбежные, но временные отступления ранней демократии под напором традиционных и более укорённых в жизни народов недемократических режимов (Хантингтон, 2003). Эта концепция позволяет лучше понять приросту взрыва *традиционализма* на рубеже XX и XXI вв. Основным его фактором, на мой взгляд, стали внешние по отношению к культуре импульсы, а именно – совокупность радикальных перемен в экономической, интеллектуальной и политической жизни мира, возникших в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Экономические перемены. Как раз накануне ренессанса традиционализма стала радикально меняться глобальная экономическая стратегия. С конца 1960-х годов стремление к сокращению издержек на рабочую силу, затрат на развитие социальной инфраструктуры, на обеспечение экологической безопасности и других требований индустриального и демократического общества стимулировали вывоз капитала и перенос промышленных мощностей из развитых стран мира в развивающиеся. Эта стратегия побуждала промышленные корпорации адаптировать как индустриальные технологии, так и управленческие идеологии к культурным особенностям соответствующих стран и одновременно стимулировала рост традиционализма.

Изменение общественных настроений. Господствовавшая с XIX в. идея модернизации как прогресса подверглась в конце 1960-х и в 1970-х годах сокрушительной критике вследствие разрушения традиционных институтов и жизненных укладов в ряде стран, особенно африканских, повлекшего рост социальной дезорганизации обществ. Вместе с

тем именно те страны, в которых процесс модернизации оказался наиболее полным и последовательным (всего около 25% африканских государств), сумели преодолеть или существенно смягчить основное бедствие африканского континента – высокую детскую смертность. Здесь же сложились и сравнительно стабильные демократические режимы. С 1995 по 2007 г. эти страны обеспечили 15-процентный совокупный рост доходов на душу населения. В большинстве же из 24 автократических государств континента, элиты которых боролись не столько с накопившимися веками внутренними проблемами, сколько с так называемым «экспортом модернизации», с 1995 г. наблюдается отрицательная динамика экономических и социальных показателей*.

Но всё это стало известно лишь в начале XXI в. А в 1970-х годах большинство западных интеллектуалов демонизировали стандартизирующую модернизацию в третьем мире, описывая её исключительно как форму колониализма, и одновременно идеализировали подъём национальных движений, возвращение народов к традиционным социальным практикам и образу жизни. Эти идеи были быстро подхвачены и в странах Востока (Саид, 2006).

Политические перемены. На мой взгляд, наиболее существенным фактором реанимации традиционной культуры и традиционных групповых форм солидарности стало изменение в 1970-х годах концепции национальной и культурной политики. До этого времени на протяжении нескольких веков процесс трансформации империй и становления национальных государств сопровождался политической поощрения национальной однородности. Г. Гегель, Ф. Гизо, Э. Тейлор и А. де Токвиль, при всех различиях в их политических предпочтениях и, возможно, непримиримых противоречиях в мировоззрении, твёрдо поддерживали принцип культурной однородности национального государства. С 1970-х годов началось победное шествие по планете другой, прямо противоположной, концепции – *мультикультурализма*, цель которого состояла в *поощрении культурного разнообразия*, понимая его как проявление *групповой идентичности*. С начала 1980-х годов эти принципы вошли в политическую практику большинства стран Запада и стали нормой, своего рода кредо для международных организаций.

Однако более чем тридцатилетние наблюдения за последствиями внедрения в жизнь этой политической доктрины дают основания для вывода о том, что она, решая одни проблемы, порождает другие. Так, мультикультурализм в его современном виде провоцирует возрожде-

* Сугил Д. Демократия и процветание. http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html.

ние групповых форм культурной идентичности, тормоза утверждение индивидуального культурного разнообразия. Нередки случаи, когда люди, утратившие свою этническую или религиозную идентичность, вынуждены были возвращаться к ней, поскольку правительство выделяет льготы на группы, а не индивидам. Оказалось, что мультикультурализм способен усиливать замкнутость культурных групп, порождая искусственные границы между ними.

Дробление традиционных цивилизаций

Международные кросскультурные исследования убедительно показывают, что цивилизации не остаются прежними, они дробятся на множество новых групп и подгрупп. Этот процесс проявляется на разных таксономических уровнях.

На *глобальном уровне* традиционные цивилизации пересекаются по *линии разрыва в уровне социально-экономического развития стран*. В слабо- и среднеразвитых странах, в которых большинству людей приходится бороться за поддержание физического существования, именно ценности выживания и экзистенциальной безопасности преобладают и распространяются практически на всё население. А в очень небольшой группе высокоразвитых стран Европы, а также в США и Японии приоритеты граждан смещаются в сторону духовных ценностей. Здесь преобладают установки на самореализацию и самовыражение в разнообразных сферах жизнедеятельности (Inglehart, et al., 2005).

Все посткоммунистические страны по ряду параметров представляют собой особую группу. В них люди проявили наибольшее беспокорство относительно своей защищённости, поэтому ценности физической безопасности оказались для них более значимыми, чем даже для населения третьего мира, не говоря уже о гражданах стран с развитыми демократиями. Внутри посткоммунистических стран выделилась подгруппа постсоветских государств. Оказалось, что по уровню запросов к условиям жизни их граждане, особенно России и Украины, близки к гражданам наиболее развитых стран, а вот по возможности удовлетворения этих запросов мало отличаются от жителей третьего мира. Не исключено, что этими ножицами между высокими притязаниями и слабой возможностью их реализации объясняется и самый низкий, в сравнении со всеми опрошенными в мире странами-группами, уровень удовлетворённости условиями жизни в постсоветских странах. Украина по данному показателю заняла 80-е место, Армения – 79-е, Россия – 78-е, Молдова – 77-е, Грузия – 75-е, Беларусь – 74-е место (Там же).

На *уровне национальных государств* одним из наиболее значимых факторов роста культурного разнообразия выступают *глобальные миграционные процессы*, которые существенно изменяют культурный облик стран, формируя ареалы расселения новых для них этнических и религиозных групп. По имеющимся оценкам, общее число мигрантов в мире в 2005 г. было близко к 200 млн человек. По прогнозам ООН, к середине нынешнего века их численность увеличится, как минимум, ещё на 90 млн человек (Вишневский, 2009). В подавляющем большинстве это выходцы из экономически слаборазвитых стран так называемого «мирового Юга», которые оседают в развитых странах «мирового Севера», и именно культурный облик последних в наибольшей мере изменяется вследствие миграций.

Универсальное воздействие на перемены в культуре оказывает другое глобальное явление – *урбанизация*. Традиционная культура в основном сохраняется в неурбанизированных обществах, включая Китай и Индию. Однако, по прогнозам ООН, обе эти страны перейдут в число урбанизированных уже к середине нынешнего века (Там же). Урбанизация вызывает цепь изменений в демографической и социальной структуре населения, в характере его общения и, в конечном счёте, в культурных нормах. В урбанизированных странах, будь то Иран, где чрезвычайно сильно влияние ислама на все стороны жизни, или Япония с её культом императора и немалым влиянием синтоизма, происходят односторонние процессы – сокращается рождаемость, уменьшается численность детей в семье, изменяются формы коллективизма.

Вместе с тем урбанизация ведёт к дроблению традиционных цивилизаций и культур, что в наибольшей степени обусловлено *распространением социальной диверсификацией* урбанизированных обществ. В указанных выше исследованиях Р. Инглхарта прослеживаются заметные различия в ценностных системах молодёжи и лиц старших возрастов. Как правило, молодёжь демонстрирует большую приверженность ценностям обновления жизни, модернизации в самом широком смысле этого слова, чем лица пожилого возраста. Однако в периоды так называемых «модернизационных срывов» именно молодёжь инициирует возврат к традиционности. Исследования в России показали: молодёжь, лидировавшая в 1990-х годах в проявлениях этнической толерантности, в начале нового тысячелетия обогнала представителей старших возрастных групп в проявлениях архаичных стереотипов предубеждённости в отношении иных этнических групп (Паин, 2003, 2004).

Рост интереса к архаике у немалой части молодёжи в периоды усталости от экономических реформ или их провала отмечается в раз-

ных странах, и сам по себе этот факт не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, правомерно ли считать такие перемены настроений возвратом к традициям. На мой взгляд, отмеченные явления характеризуют иное явление, которое можно назвать *конструированием традиций*. Подход с позиций конструирования традиций (Hobsbawm, Tegenesse, 1983) позволяет устранить кажущуюся противоречивость в понимании многих современных процессов. Дело в том, что зачастую нормы, которые поддерживает молодёжь, лишь кажутся традиционными. На самом же деле они представляют собой типичный «новодел»: это – новации, переосмысленные в традицию.

Такова, например, квазитрадиционная природа русского этнического национализма, одними из первых носителей которого в молодёжной среде России были так называемые «скинхеды» – движение, полностью заимствовавшее своё название, символику и идеологию у молодёжных радикальных группировок стран Западной Европы. Лишь в начале 2000-х годов эти организации стали рядиться в одежды русских национальных организаций, что проявилось главным образом в их переименованиях. Если в 1990-х годах преобладали организации с названиями типа Blood&Honor, то в 2000-х стало больше организаций с названиями, подчёркивающими их национальный русский характер: «Русская гвардия», «Русский кулак», «Русский порядок».

«Обратная волна» в России

Всемирная мода на традиционализм, поиск «особых цивилизаций» и «особых путей» их развития проявилась в России позже, чем во многих других странах мира, – лишь в начале 2000-х годов. Во всяком случае, именно с этого времени доктрина культурно-цивилизационной предопределённости особого пути России стала распространяться государственными средствами массовой информации.

Весной 2006 г. на канале «Культура» прошёл 12-серийный цикл телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием «Культура – это судьба». Затем идеи такого рода были заимствованы политиками. «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами» – это уже из лекции В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2007 г.* В ней первый заместитель главы Администрации Президента России указывает гражданам, что культура определяет вечные особенности политического строя. В российском случае это цен-

* Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Москва, Президиум РАН. 8 июня 2007 г. <http://surkov.info/publ/4-1-0-55>.

трализованная власть, при которой роль персон важнее законов. Идея особой цивилизации, предопределяющей будто бы её особый путь, и должна, по мысли политических технологов, оправдать политическую доктрину «суверенной демократии», в которой роль властвующих лиц неизмеримо большая, чем принято в демократических государствах.

Внедрение в массовое сознание представлений об особой цивилизации и особом пути должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию «чуждых» ей либеральных и демократических веяний. Впрочем, мотивы поддержки идеи особой цивилизации и предопределённости особого исторического пути России не одинаковы у разных политических сил страны. Ныне можно выделить как минимум три основных типа апологетов этой идеи.

Первую группу можно назвать *охранительной*. Это, прежде всего, представители силовых ветви нынешней властной элиты. Именно они чаще других ссылаются на культурную предопределённость судьбы России в стремлении легитимировать этой предопределённостью свой политический курс на повышенные полномочия государственной бюрократии в системе управления.

Вторая группа – *упадническая* – представлена в большинстве своём деятелями, позиционирующими себя как либеральные мыслители. Они традиционалисты поневоле, поскольку в большинстве своём эти люди – сторонники западного пути развития, который, по их мнению, невозможен в России. Для них культурная предопределённость служит объяснением и оправданием бездействия или неэффективных действий либеральных сил. Именно в этой группе популярно представление о России, как «стране рабов».

Третью группу составляют защитники идеи, которую можно назвать *агрессивным цивилизационным национализмом*. Теоретические построения этой группы базируются на следующих постулатах:

- особая русская цивилизация определяет неизбежность не просто ведущей роли государства в политической системе, но и особой роли персоны лидера нации, её вождя или монарха (см., например: Володихин, 2007);

- естественной территориально-политической формой такой цивилизации выступает империя (см., например: Юрьев, 2007);

- ведущую роль в империи призван играть русский народ, причём его доминирующая роль должна быть закреплена законодательно (см., например: «Русская...», 2007).

Почему в России сегодня такой спрос на традиционализм? Потому что он – неременный спутник «обратной волны». Её признаки про-

явились отчётливо в начале 2000-х годов, когда либеральные реформы 1990-х (пусть крайне непоследовательные и противоречивые по своим последствиям) были оборваны и сменились контрреформами: новым витком централизации, государственной монополизацией экономики, ограничением свободы слова и другими признаками авторитарного правления.

Х. Линц определил авторитаризм как политическую систему, при которой власть ограничивает участие народа в политической жизни, опираясь при этом на *традиционализм и политическую апатию населения* (Linz, 1975). Именно опорой на традиционные институты (церковь, патриархальную семью, клановые группы) и на политическую пассивность людей авторитаризм, по Линцу, отличается от тоталитаризма – политического режима, при котором правители государства в пассивности населения не заинтересованы. Напротив, они политически мобилизуют его, идеологически подчиняют себе, манипулируя массовым сознанием и стремясь к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества.

Итак, в России оборвана либерально-демократическая линия развития и предпринимается попытка перехода к авторитаризму, нуждающемуся в опоре на традиционализм. Однако совершить такой переход совсем не просто в стране, где за несколько десятилетий тоталитаризма были разрушены основы трансляции народных традиций.

Россия: традиционализм без традиций

Сегодня весьма распространено мнение о том, что плохая приживаемость новых демократических и правовых институтов в России связана с их несоответствием традиционной русской культуре (Кирдина, 2001, 2004). Однако эта точка зрения не нашла подтверждения в ходе целого ряда российских и международных сравнительных исследований. Они показали, что Россия страдает не от *избыточной традиционности, а от сильного разрушения традиционной институциональной матрицы*.

Традиция – это межпоколенная передача культурных норм и ценностей, легитимирующих поведение членов некоего сообщества. Такая передача накопленного опыта возможна лишь при сохранении неких базовых условий трансляции культуры, прежде всего, социальных институтов, выступающих носителями, хранителями, а главное – контролёрами соблюдения традиционных предписаний. Социальный контроль использует моральные поощрения при соблюдении традиций и моральные санкции за их нарушение.

Между тем в современной России традиционные механизмы социального контроля практически полностью демонтированы вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине как форме общественной самоорганизации в России уже давно и прочно забыли. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится, учитывая, что свыше 87% православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придётся. Ещё недавно в советских городах были дворы, в которых пенсионеры, сидевшие на лавочках, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля механизма, действовавшим по принципу «что люди скажут?». Сегодня и этого нет. Родственные отношения? Но их разрушение в русской среде – тоже общепризнанный факт.

Не вызывает сомнений и то, что представление о российском обществе как коллективистском – миф. Напротив, сегодня оно – одно из наиболее атомизированных в современном мире. По результатам Европейского социального исследования 2006–2007 гг. социологи пришли к выводу, что россияне лидируют среди жителей европейских стран по уровню атомизации социальных отношений; у них же – и самые низкие показатели ценности коллективизма (Магун, Руднев, 2008). Это обстоятельство, в свою очередь, ухудшает приживаемость в России новых социальных институтов.

При высокой степени атомизации общества и низком уровне доверия вероятность внедрения норм правового государства крайне невысока. А без правовой институциональной системы не может развиваться и современная инновационная экономика. Так что же, путь к инновационной модернизации для России закрыт?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от понимания природы российской инерции. В её основе лежит не столько давление прежнего опыта (культурных традиций), сколько недостаток нового опыта. Прежде всего, опыта самоорганизации, самоуправления и участия в государственном управлении. Однако опыт – дело наживное, и при наличии соответствующей мотивации россияне способны его быстро приобретать.

Приведу такой пример. Американский дипломат Дж.Ф. Кеннан, большой знаток России, работавший в СССР на протяжении двух десятилетий (в 1930–1950-х годах с перерывами), в 1951 г. писал, о какой России нельзя даже мечтать такому американцам. Первым из её признаков он назвал невозможность такого экономического устройства, которое основано на рыночной экономике. И обосновал свой вывод сле-

уверенность, т.е. всё, что связано с представлением о вероятности свершения того позитивного, которое ассоциируется у людей с Богом, парнем или будущим.

В таких условиях, казалось бы, нечего и рассчитывать на осуществление долгосрочных капиталоемких проектов, типа технопарков, усилиями частной инициативы; представляется совершенно естественным уповать на государство как единственного субъекта, способного инициировать, финансировать и реализовывать крупные капиталоемкие проекты развития инновационной экономики. Во всяком случае, так понимают подобные возможности многие известные экономисты России. Скажем, академик А.Г. Аганбегян отмечает, что в стране нет источников «длинных денег» в частном секторе, почти нет частных пенсионных фондов, крупных страховых, паевых, венчурных и других фондов, которые выполняют функцию кредитования долгосрочных проектов в США и Западной Европе. Отсюда его вывод: России рано отказываться от ведущей роли государства в модернизации хотя бы потому, что единственным источником инновационного развития может быть только федеральный стабилизационный фонд (Аганбегян, 2009).

Однако практика показывает, что из ловушки всеобщего недоверия не может выбраться и федеральная власть. Оказывается, недостаточно перераспределить средства из стабилизационного фонда в фонд индустриализации, нужно ещё добиться, чтобы эти деньги не разворовали, чтобы они были потрачены на целевые нужды. Между тем даже самые приоритетные проекты национального значения, вроде Олимпийских игр, требуют не только громадных вложений, но ещё и руководства с помощью лично доверенного человека, облаченного особыми полномочиями. Трудно даже представить себе картину, что с помощью таких комиссаров могут быть реализованы инновационные проекты в различных регионах страны. К тому же и комиссары ведь не помогают: не работает наша управленческая вертикаль – ни с ними, ни без них.

Существует жёсткая зависимость между различными проявлениями вертикально-иерархической организации общества и доверием. Так, концентрация власти влечёт за собой рост коррупции, которая, в свою очередь, понижает уровень доверия в обществе. В России почти три четверти респондентов убеждены в том, что им никогда не удастся добиться справедливого отношения к себе со стороны чиновников. В Венгрии – для сравнения – таких сомневающихся тоже много, но всё же лишь около половины опрошенных; в Словакии и Чехии – чуть более трети (Ловелл, 2002). Коррупция разрушает не только доверие населения к власти, но и доверие людей друг к другу хотя бы потому,

дующими соображениями: «Россия едва ли была знакома с частной инициативой в том её виде, к которому мы привыкли в Америке... К тому же торгово-промышленная деятельность не считалась в России таким почётным занятием, как на Западе» (Кеннан, 2001).

Действительно, исторически в России отношение к торговой деятельности было более негативным, чем в Западной Европе и Америке, в Азии и на Кавказе. Однако в 1991–1994 гг. страна, утратившая, казалось бы, за годы советской власти остатки опыта частного предпринимательства, продемонстрировала небывалые в мировой истории темпы прироста численности предпринимателей. За четыре года только в одну из его разновидностей, челночную торговлю, было вовлечено 10 млн человек – бывшие врачи и учителя, инженеры и рабочие.

Не буду оценивать качество российского опыта форсированного роста слоя предпринимателей. Скажу лишь, что этот опыт опровергает теоретическую догму, согласно которой «уровень образованности можно поднять при соответствующих затратах за непродолжительный период времени, тогда как культура труда формируется национальным историческим развитием и традициями, поэтому на её изменение можно рассчитывать лишь в сравнительно длительной перспективе»*. Но ориентация на ту или иную сферу деятельности как раз и считалась самым инертным элементом культуры труда. Однако для её изменения в России потребовалось три-четыре года, т.е. меньше времени, чем для получения высшего образования (пять-шесть лет).

Ещё одна важная особенность современной России заключается в том, что велика доля лиц, готовых к риску и инновациям. Междоусобицы сравнительные исследования свидетельствуют, что по готовности к восприятию инноваций «Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран» (Магун, Руднев, 2008). Следует ли отсюда, что социокультурные условия России не создают преград для инновационного развития? Нет, и такой вывод был бы не верен. Во-первых, российская инициативность анархична. В России один из самых низких в Европе уровень уважения к правилам и нормам. Причём не только формальным (т.е. к закону), но и к неформальным – религиозным, семейным, традиционным этническим. Во-вторых, в России, как уже говорилось, низкий уровень взаимного доверия и вообще слабо выражены те качества, которые в русском языке описываются с использованием слов, однородных со словом «вера»: сама вера, доверие и

* Шкарпата О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития. http://pl.hse.ru/journals/wrldross/vol02_1/shkar_kar.pdf.

что они имеют разные возможности пользоваться коррупционными связями. Эти связи не прозрачны, и уже это порождает взаимную подозрительность.

Итак, при возрождении традиционного российского пути модернизации – только сверху – мы попадаем в замкнутый круг. Низкий уровень доверия и низкий уровень уважения к закону как будто бы требуют возрастания роли государственной власти в модернизации страны. Однако такая концентрация власти снижает уровень доверия и ослабляет правосознание людей. Как вырваться из этого порочного круга?

Прежде всего, необходимо осознание того, что нельзя преодолеть отчуждённость и недоверие людей друг к другу, не обеспечивая условий институциональной транспарентности, не поощряя инициативу и самостоятельность. Исследования российского социолога Н.И. Лапина показывают, что на большей части территории России основным препятствием модернизации выступают не столько культурные, сколько бюрократические барьеры. Они вырастают вследствие разрыва между интересами основных агентов инновационных процессов (авторов инновационных идей, инвесторов, производителей инноваций) и корыстными интересами чиновников, поощряемых сложившейся в стране системой управления (Лапин, 2010). Выявилось также, что наилучшие показатели реального проявления инновационной экономики (создание мест приложения труда и производства инновационных товаров и услуг) характерны для регионов со средними показателями социально-культурного климата, но таких, в которых местные власти обеспечивают более приемлемые, чем в среднем по стране, институциональные условия развития экономики. Власти опираются при этом на местное законодательство, в ряде случаев лучше защищающее и поощряющее частную инициативу, чем федеральное.

Таким образом, при нынешних институциональных условиях модернизация в России может носить лишь ограниченный, очаговый характер и пробиваться лишь в отдельных регионах, в которых местные власти способны хотя бы отчасти нейтрализовать общую институциональную неготовность страны к развитию инновационного общества и его экономики. Вовлечение же большей части России в этот процесс может основываться лишь на радикальных изменениях как социально-политических, так и культурных условий в стране. Я имею в виду целенаправленную политику выраживания традиций модернизации, политику культивирования новой институциональной матрицы из остатков традиционной культуры и за счёт моральной легитимации новых ценностей.

Контуры будущего: спад волны традиционализма и ожидаемая смена глобального цикла

В заключение хочу ещё раз подчеркнуть, что взрыв традиционализма в мире, отмечаемый на рубеже XX и XXI вв. и воспринятый многими как глубинные тектонические проявления сущности самой культуры, был, на мой взгляд, всего лишь кратковременной волной, завершающей цикл индустриальной модернизации. Эта волна была вызвана синергетическим эффектом действия совокупности экономических, политических и социальных факторов. Однако именно они уже начинают гасить волну традиционализма.

Экономика. Постиндустриальная экономика высоких технологий в меньшей мере, нежели индустриальная, пригодна для адаптации к локальным традиционным культурам. Сама сущность «высокой технологии» исключает возможность её упрощения, поэтому она более требовательна к качеству трудовых ресурсов, оцениваемому по универсальным и стандартизированным критериям.

Это обстоятельство уже сейчас меняет характер глобального разделения труда. На долю стран, сохраняющих значительные пласты традиционной культуры, присущей неурбанизированным обществам, достаются лишь трудоёмкие производства, требующие рутинного и малокавалифицированного труда. По мере того как эти страны или не-индустриальное производство (о таком намерении объявило руководство не только России, но и Казахстана⁹), им придётся существенно изменить сложившийся в стране культурный климат. В таких условиях экономика вновь воспроизведёт свою креативную функцию по отношению к народной культуре, которую она частично утратила в эпоху адаптации к локальным традициям.

Политика. Индустриальная фаза модернизации могла осуществляться при разных политических режимах: демократических, авторитарных и тоталитарных. Однако на постиндустриальной стадии модернизации возрастают требования к индивидуальной активности и творчеству работника. А это, в свою очередь, требует сравнительно радикальных социально-политических изменений в обществе.

Вовлечение масс в модернизацию возможно только при условии их участия в принятии политических решений. Не случайно переход ряда стран Азии (прежде всего, Японии и Южной Кореи) к инновационному этапу модернизации сопровождался процессом их де-

⁹ Белов В. К. Казахстан: модернизация как способ преодоления кризиса. <http://www.ua.tian.ru/analytics/20090327/78125318.html>.

мокрализации. Аналогичные процессы происходили в Латинской Америке (например, в Бразилии), а ещё раньше – в странах Южной Европы.

Культурное развитие. Волна традиционализма, как было показано, в незначительной степени была вызвана отказом от идеи культурной однородности в масштабах государств-наций в пользу идеи поощрения многообразия традиционно-групповых идентичностей аскриптивного типа. Однако такая политика подстегнула процессы межгрупповых столкновений и дезинтеграции культур. Ныне этот факт осознаётся не только большинством экспертов, но и политическими кругами. Поэтому с начала 2000-х годов стратегия мультикультурализма в её первичном виде как тотальной поддержки разнообразия традиционных культур не применяется даже в тех странах, где мультикультурализм был закреплён как конституционный принцип – например, в Австралии*.

Как международные организации, так и практически все демократические страны перешли к использованию иной стратегии – «разделения сфер культуры». В публичной сфере поощряется культурная однородность, основанная на принятии единых формальных норм и прозрачных, контролируемых гражданским обществом правил их реализации. В приватной сфере поощряется культурное разнообразие.

Модель «разделения сфер культуры», несомненно, отражает изменение общественного настроения по отношению к культурному разнообразию. В реальной жизни невозможно провести демаркационную линию между приватной и публичной сферой. Является ли строительство минарета в швейцарском городе частным делом граждан? Само существование этнических или религиозных общин сегодня невозможно без общественных собраний, собственных изданий, системы просвещения и другой публичности, а уж межгрупповые конфликты изначально по определению публичны. Всё это вызывает необходимость дальнейшего поиска новых стратегий культурной политики.

В качестве одной из наиболее перспективных, на мой взгляд, назову концепцию «индивидуальной свободы и культурного выбора», базирующуюся на принципе, который изложил Амартия Сен (Культурная..., 2004, с. 17–34). Главная её идея состоит в постепенном ослаблении групповых форм идентификации и переходе к индивидуальному выбору. «Культурная свобода» – это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, имея реальную

* См., например: Spotlight – Australia's struggle with multiculturalism. 27 February 2007. http://www.workpermit.com/news/2007_02_27/australia/immigration_historical_retrospective.htm.

возможность оценить другие варианты». А. Сен подчеркивает, что «множество существующих в мире несправедливостей сохраняется и процветает как раз потому, что они превращают своих жертв в союзников, лишая их возможности выбрать другую жизнь и даже препятствуют тому, чтобы они узнали о существовании этой другой жизни» (Там же). Вот и этнические, религиозные и другие групповые культурные традиции по большей части не добровольны, они аскриптивны, предписаны индивиду от рождения. Поэтому основная цель политики поощрения культурной свободы состоит в ослаблении этой предопределённости. Концепция рассматривает культурное многообразие не как самоцель, а лишь как инструмент реализации культурной свободы в случаях, когда «благодаря ему расширяется культурный спектр социальной жизни и расширяется возможность выбора» (Там же).

Однако концепция «культурной свободы» не стала нормой и в западных странах. Её применение в российских условиях представляется мне мало вероятным в обозримой перспективе, поскольку к идеям неомодернизма и неолиберализма российская элита в большинстве своём не готова, но это уже тема другой статьи.

Литература

- Асанбегян А. Не выкапывайте картошку раньше времени // Столица НСК. Информационно-аналитический журнал. Новосибирск. 2009. № 2. С. 18.
- Ишенинский А. Концепт Северополитизма: Публичная лекция, прочитанная 18 ноября 2009 года в Киеве, в пресс-клубе кинотеатра «Жовтень» в рамках проекта «Публичные лекции "Полит.UA"». <http://www.polit.ua/lectures/2010/01/14/neverotseizm.html>.
- Володина Д. Нам нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений // Российское государство: вчера сегодня завтра / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 2 ноября 2001 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_diversity.pdf.
- Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 83–91.
- Куркина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. 308 с.
- Куркина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98.
- Кундерт Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоорганизации в конце XX века // Этничность, 1994. С. 35–70.
- Материалы междунар. конференции. М., 1994. С. 35–70.
- Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь мир, 2004. 328 с.

- Латин Н.И. Ценности «сохранение – открытие изменений» и сетевые инновационные институты. Доклад на симпозиуме памяти Самозла П. Хантингтона «Культура, культурные изменения и экономическое развитие». Москва, ГУ – ВШЭ, 24–26 мая 2010 г.
- Ловелл Д. Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // *Pro et Contra*. Т. 7. 2002. № 3. <http://www.sagepub.ru/tu/pubs/procontra/67145.htm>.
- Магун В., Руднев Е. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 1. С. 44.
- Паин Э. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // *Независимая газета*. 2003. № 220 (3052).
- Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. 328 с.
- «Русская доктрина» (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза, 2007. 864 с.
- Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 637 с.
- Тихонов В.А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3–21.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
- Юрьев М. Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Hobsbaum E., Terence R. (Eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983. P. 1–2.
- Inglehart R., Welzel Ch. *Klingemann H.-D. Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Linz J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes / Macropolitical Theory (Handbook of Political Science, Bd.3)*. Reading, MA: Nelson W. Polsby, 1975. P. 175–411.